

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК РУССКОЙ ПОЭЗИИ

 FOLIO

Сборник
Серебряный век русской поэзии

«Фолио»

2014

ББК 84(4РОС)-5

Сборник

Серебряный век русской поэзии / Сборник — «Фолио», 2014

ISBN 978-966-03-6938-2

На рубеже XIX и XX веков русская поэзия пережила новый подъем, который впоследствии был назван ее Серебряным веком. За три десятилетия (а столько времени ему отпустила история) появилось так много новых имен, было создано столько значительных произведений, изобретено такое множество поэтических приемов, что их вполне хватило бы на столетие. Это была эпоха творческой свободы и гениальных открытий. Блок, Брюсов, Ахматова, Мандельштам, Хлебников, Волошин, Маяковский, Есенин, Цветаева... Эти и другие поэты Серебряного века стали гордостью русской литературы и в то же время ее болью, потому что судьба большинства из них была трагичной, а произведения долгие годы замалчивались на родине. Но как сказал Осип Мандельштам: «Ведь это все русские поэты не на вчера, не на сегодня, а навсегда».

ББК 84(4РОС)-5

ISBN 978-966-03-6938-2

© Сборник, 2014

© Фолио, 2014

Содержание

Русская литература конца XIX – начала XX века как «серебряный век»	7
Константин Бальмонт	15
Из сборника «Горящие здания»	15
Кинжальные слова	15
Как Испанец	15
Я сбросил ее	16
«Я люблю далекий след – от весла...»	16
Ангелы опальные	17
Я буду ждать	18
Аромат Солнца	18
Закатные цветы	19
Равнина	19
Воспоминание о вечере в Амстердаме	20
И да, и нет	20
из сборника «Под северным небом»	24
Смерть	24
Фантазия	24
Колыбельная песня	25
Челн томленья	26
«Дышали твои ароматные плечи...»	26
Песня без слов	27
Смерть, убаюкай меня	27
безбрежности	28
Болотные лилии	28
«Нет, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться...»	29
В час рассвета	29
Ветер	29
Призраки	30
Вопрос	30
«За пределы предельного...»	31
из сборника «Будем как солнце»	32
«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»	32
«Будем как Солнце! Забудем о том...»	32
«Я – изысканность русской медлительной речи...»	33
Мои песнопенья	33
Гармония слов	34
Солнце удалилось	34
Голос дьявола	35
Дождь	35
Вербы	36
«Я полюбил свое беспутство...»	37
Аккорды	37
Из сборника «Только любовь»	39
Гимн солнцу	39
Я не знаю мудрости	44

«Я ненавижу человечество...»	45
Далеким близким	45
Безрадостность	46
Безглагольность	46
Бог и дьявол	47
Андрей Белый	48
Солнце	48
Три стихотворения	49
Во храме	51
Знаю	52
Мои слова	53
Раздумье	54
Я	55
Александр Блок	56
Книга первая (1898–1904)	56
Из цикла «Ante lucem»	56
«Ищу спасенья...»	56
«В полночь глухую рожденная...»	56
Из цикла «Стихи о прекрасной даме»	57
Вступление	57
«Ты отходишь в сумрак алый...»	58
«Всё отлетают сны земные...»	58
«Всё бытие и сущее согласно...»	59
«Небесное умом не измеримо...»	59
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	59
«Я жду призыва, ищу ответа...»	60
«За городом в полях весной воздух дышит...»	61
«Я всё гадаю над тобою...»	61
«Встану я в утро туманное...»	62
«Жду я холодного дня...»	62
«Я долго ждал – ты вышла поздно...»	62
«Ночью выюга снежная...»	63
«Бегут неверные дневные тени...»	63
«Я укрыт до времени в приделе...»	64
«Мы живем в старинной келье...»	64
«На темном пороге тайком...»	65
«Я медленно сходил с ума...»	65
«Люблю высокие соборы...»	66
«Мы встречались с тобой на закате...»	66
«Тебя скрывали туманы...»	67
«Поздно. В окошко закрытое...»	67
«На ржавых петлях открываю ставни...»	68
«Я просыпался и всходил...»	68
«Явился он на стройном бале...»	69
«Вхожу я в темные храмы...»	69
«Будет день, словно миг веселья...»	70
«Мне страшно с Тобой встречаться...»	70
Из цикла «Распутья»	71
«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»	71

«Я, изнуренный и премудрый...»	71
«Покраснели и гаснут ступени...»	72
«Я искал голубую дорогу...»	72
«Я к людям не выйду навстречу...»	72
«Зимний ветер играет терновником...»	73
«Очарованный вечер мой долог...»	73
«Крыльцо Ее словно паперть...»	74
«Вот он – ряд гробовых ступеней...»	74
Книга вторая	76
Из цикла «Город»	76
«Твое лицо бледней, чем было...»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Серебряный век русской поэзии

Предисловие и примечание

Т. В. Надозирной

Русская литература конца XIX – начала XX века как «серебряный век»

В конце XIX века русская культура вступила в короткий, но очень насыщенный этап, который впоследствии стал именоваться «рубежом веков» или «серебряным веком». Принципиальные изменения художественно-эстетических ориентиров, которыми был ознаменован этот период, связаны с кардинальной перестройкой человеческого сознания. Дело в том, что на рубеже XIX – XX веков был сделан целый ряд открытий в области естественных наук. Теория относительности, теория магнетизма, квантов и другие масштабные открытия пошатнули многие, казавшиеся незыблемыми, каноны. Прежние представления о Вселенной, которая казалась невероятно сложной, но принципиально познаваемой, были разрушены. Разрушение привычной картины мира привело к возникновению кризиса материализма и позитивистского типа науки. Одновременно чрезвычайно актуальным стало представление о непознаваемости мира. В результате появилось ощущение неустойчивости, хрупкости традиционных ценностей, что привело людей к мысли о кризисности их эпохи и необходимости «переоценки ценностей». В этих условиях и возник новый тип культуры – модернизм.

Особенно ярко модернистский тип культуры проявил себя в литературе. Это выразилось в кардинальном обновлении литературных приемов. Наиболее ярко обновлялась русская поэзия, что было особенно заметно на фоне очень мощной, но преимущественно прозаической литературы второй половины XIX века. Позднее поэзия рубежа XIX и XX веков получила название «серебряного века». Этот термин возник по аналогии с понятием «золотой век», традиционно обозначающий «пушкинский период» русской литературы. Сначала понятие «серебряный век» использовалось для характеристики вершинных проявлений поэзии начала XX века – творчества Д. Мережковского, К. Бальмонта, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама и других блестящих мастеров слова. Однако со временем его начали использовать, характеризуя модернистскую литературу вообще. На данный момент этот термин используют как синоним понятия «культура рубежа веков».

Единого мнения по поводу хронологических границ литературы рубежа веков на сегодняшний день нет. Еще в начале прошлого столетия выдающийся русский ученый С. А. Венгеров, составивший вместе с известнейшими учеными и писателями своего времени первый очерк трехтомной «Истории русской литературы XX века» (1914), начинал новый период с 90-х годов XIX века. Поскольку именно в это время существенно перестроилось человеческое сознание. Такая точка отсчета была принята и стала общим местом в литературоведении. Что касается вопроса о том, когда же закончился «серебряный век», то здесь мнения исследователей разделились. Можно выделить несколько наиболее распространенных точек зрения. Советское литературоведение вело отсчет с Октябрьской революции (1917 года). При этом творчество Л. Толстого, А. Чехова и других художников, творивших в первые десять-двадцать лет нового века, относили к XIX веку. Поэтому хронологические рамки литературы рубежа определялись следующим образом: 1890-е – 1917 год. Современные исследователи пришли к совершенно логичному выводу, что картина литературного процесса не могла измениться в одночасье. Октябрьская революция 1917 года, в результате которой произошел государственный переворот, не только не остановила развитие самых разнообразных литературных течений

и направлений, но и, наоборот, стимулировала их дальнейшее развитие. В связи с этим некоторые современные ученые раздвигают хронологические рамки литературы рубежа веков до начала 1920-х годов. Однако есть и такие, кто полагает, что эпоха «серебряного века» оканчивается в 1925 году, поскольку именно тогда была принята резолюция «О политике партии в области художественной литературы», свидетельствующая о государственном контроле над литературой и знаменующая наступление нового периода.

Огромное влияние на литературный процесс в XX веке оказал модернизм, вобравший в себя множество нереалистических течений и направлений. Наиболее ярко себя проявили три из них – символизм, акмеизм и футуризм. Самым значительным явлением русского модернизма стал символизм (Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок и др.). Однако уже в 1910-е годы заговорили о его кризисе. Вскоре, в 1913 году, появилось новое направление – акмеизм (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий и др.). Приблизительно в это же время сформировался русский футуризм (И. Северянин, В. Хлебников, В. Маяковский и др.). Ярким событием русской литературной жизни стало появление так называемой «новокрестьянской поэзии» (С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков и др.). Кроме того, появился целый ряд поэтов «вне направлений», творчество которых не вписывалось в рамки конкретного литературного направления (М. Кузмин, М. Волошин, М. Цветаева и др.).

Символизм

Символизм – первое модернистское направление в европейской литературе. Он зародился во Франции в 1870-е годы. Первыми поэтами-символистами были П. Верлен, С. Малларме, А. Рембо. В России символизм стал самым значительным модернистским направлением.

В рамках русского символизма сформировалось несколько группировок. По времени формирования принято делить символистов на две группы: «старшие», которые заявили о себе в 1890-е годы (В. Брюсов, К. Бальмонт, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб и др.), и «младшие», начавшие свою творческую деятельность несколько позже – в 1900-е (А. Блок, А. Белый, В. Иванов и др.).

Довольно часто русских символистов классифицируют по общности мировоззренческой позиции. На этом основании выделяют три группы: «декаденты», или петербургские символисты (Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб и др.), старшие символисты, или московские (В. Брюсов, К. Бальмонт и др.), младшие символисты (А. Блок, А. Белый).

Считается, что начало русскому символизму положила статья писателя и поэта Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», которая была написана в 1892 году. В ней автор заявил, что современная литература находится в кризисном состоянии, поскольку сосредоточена на временном, сиюминутном. Между тем, по мнению Мережковского, искусство должно прежде всего обращаться к вневременному, вечному. На это способно «новое искусство», в основе которого лежат три элемента: мистическое содержание, расширение художественной впечатлительности и образы-символы.

На мировосприятие символистов оказали влияние самые разнообразные философские системы – от античных до современных. Однако все эти учения объединяет представление о существовании так называемой «высшей реальности» (сверхреальности) и реальности, данной нам в ощущениях. Цель символистов – отразить истинную, высшую реальность, то есть увидеть в сиюминутном и проходящем – вневременное и вечное. По их представлениям, это можно сделать с помощью образа-символа, поскольку он обладает уникальной структурой, способной отразить всю сложность мирового универсума. Кроме того, символисты полагали,

что постичь сверхреальность могут только избранные, наделенные особым даром прозревать истинную природу бытия.

Таким образом, символ – это центральная и главная категория символизма как художественно-эстетического направления. Очень важно понимать, чем образ-символ отличается от тропов. Под тропом подразумеваются слова и выражения, которые используются в переносном значении с целью усилить образность языка. В основе любого тропа лежит сопоставление предметов и явлений. При этом различается прямое значение и переносное значение тропа. Природа тропа такова, что прямое значение как бы разрушается, и мы воспринимаем его вторичные признаки, что дает определенное художественное «приращение» мысли, обогащая ее новым содержанием. Например, при использовании выражения «золотые руки» прямое значение («руки, сделанные из золота») разрушается, уступая место переносному смыслу – «человек, который умеет все хорошо делать». Более того, здесь прямое значение играет, по сути, подчиненную роль. Руки можно назвать, например, бриллиантовыми – от этого переносный смысл не изменится. Образ-символ, в отличие от тропа, лишен его главного качества – «переносности смысла». Для символа принципиально важным оказывается прямое значение. Это связано с представлениями символистов о том, что весь мир пронизывает система соответствий, а предназначение искусства как раз и состоит в том, чтобы с помощью сверхчувственной интуиции обнаружить связь между сверхреальным и реальным и отразить это с помощью символа.

Кроме того, троп предполагает более или менее однозначное прочтение, поскольку отвлеченную идею, чувство или нравственное представление в нем заменяет образ, «картинка». А образ-символ, напротив, принципиально многозначен и содержит в себе перспективу безграничного развертывания смыслов. Так, модернист Вяч. Иванов утверждал: «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем в своем значении». Так, змея символизирует не только мудрость, иначе это было бы простым иносказанием. В разных контекстах образ-символ змеи приобретает разное значение: мудрость, соблазн, смерть, познание и т. д.

Механизм бесконечного разворачивания смыслов отражен в стихотворении представительницы символизма З. Гиппиус «Швея» (1901):

Уж третий день ни с кем не говорю...
А мысли – жадные и злые.
Болит спина; куда ни посмотрю —
Повсюду пятна голубые.

Церковный колокол гудел; умолк;
Я всё наедине с собою.
Скрипит и гнется жарко-алый шелк
Под неумелою иглою.

На всех явлениях лежит печать.
Одно с другим как будто слито.
Приняв одно – стараюсь угадать
За ним другое, – то, что скрыто.

И этот шелк мне кажется – Огнем.
И вот уж не огнем – а Кровью.
А кровь – лишь знак того, что мы зовем
На бедном языке – Любовью.

Любовь – лишь звук... Но в этот поздний час

Того, что дальше, – не открою.
Нет, не огонь, не кровь... а лишь атлас
Скрипит под робкою иглою.

Первые две строфы стихотворения изображают вполне бытовую ситуацию: уставшая швея шьет что-то из яркого шелка. В третьей строфе в художественной форме изложена теория соответствий, выработанная французским символизмом. Четвертая демонстрирует «разворачивание» образа-символа: сначала яркий шелк соотносится с огнем, потом с кровью и, наконец, с любовью. Многоточие в пятой строфе указывает на тот факт, что смыслы могли бы продолжать множиться. А в самом конце символ вновь «сворачивается» до кусочка шелка.

Можно выделить два основных типа символов. К первому типу относятся символы, имеющие опору в культурной традиции. Они понятны почти каждому и обнаруживают множество смыслов в зависимости от контекста, в котором употребляются (солнце, крест, небо, огонь, меч, метель, роза и т. д.). Символами могут служить чрезвычайно известные образы, герои, сюжеты. Например, библейские образы Адама и Евы, Каина, Христа, Иуды, средневековые образы-символы Прекрасной Дамы и ее рыцаря, образ Одиссея и т. д. Переосмысливая их, писатели создают новые вариации символических образов.

Ко второму типу относятся символы, создававшиеся без опоры на культурную традицию. Особенно часто индивидуальные символы создавались русскими писателями-символистами, считавшими их не просто одним из видов иносказательных образов, а важнейшей категорией художественного мировоззрения. Так, А. Блок активно использовал не только традиционные символы («роза», «крест», «щит», София, Царица, Прекрасная Дама и т. п.), но и индивидуальные символы. Например, в цикле «На поле Куликовом» знаменитое историческое событие XIV века (Куликовская битва) соотносится с современными поэту революционными событиями.

Таким образом, представления о символе у русских писателей-символистов не совпадают с традиционными. Для них символ был не только художественным образом, способным выразить обобщенные представления о мире и человеке, но и важнейшим «инструментом» в их особом способе постижения реальности. С помощью символа они стремились отразить сверхреальность, познать непознаваемое и выразить невыразимое.

Символизм оказал огромное значение на развитие всей русской литературы XX века, однако уже к 1910 году обозначились явные симптомы кризиса этого направления и началась эпоха постсимволизма. В ее рамках возникло новое модернистское направление, генетически связанное с символизмом, – акмеизм.

Акмеизм

В 1912 году на заседании литературного объединения «Цех поэтов» было объявлено о создании нового литературного течения – акмеизма (от греческого «асте» – высшая степень чего-либо; расцвет; вершина; острие, жало). Представителями нового течения стала небольшая группа: Н. Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам, М. Зенкевич и В. Нарбут.

Акмеизм – литературное течение в русской модернистской поэзии, характерные черты поэтики которого: простота и ясность поэтического языка, строгость поэтической композиции, стремление создавать точные, зримые образы. Отталкиваясь от туманности и зыбкости символистских образов, акмеисты провозглашали стремление к «прекрасной ясности» (термин М. А. Кузмина), воспевали «радостное любование бытием» (Н. С. Гумилев), призывали открыть заново красоту и ценность человеческого существования.

Значительное влияние на художественно-эстетические взгляды акмеистов оказала статья М. Кузмина «О прекрасной ясности», которая была напечатана в 1910 г. (сам Кузмин

не входил ни в одну из многочисленных модернистских группировок). Ее автор призывает художников, независимо от их эстетических и мировоззренческих предпочтений, к логичности художественного замысла, стройности композиции и четкости организации всех элементов художественной формы: «Пусть ваша душа будет цельна или расколота, пусть миропостижение будет мистическим, реалистическим, скептическим или даже идеалистическим (если вы до того несчастны), пусть приемы творчества будут импрессионистическими, реалистическими, натуралистическими, содержание – лирическим или фабулистическим, пусть будет настроение, впечатление – что хотите, но, умоляю, будьте логичны, – да простится мне этот крик сердца! – логичны в замысле, в постройке произведения, в синтаксисе».

Акмеисты, в отличие, например, от футуристов, не отвергают достижения символизма. Так, Н. Гумилев в статье «Наследие акмеизма и символизм» назвал символизм «достойным отцом», подчеркивая при этом, что акмеизм выработал новый – «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь». Согласно Гумилеву, акмеизм призван заново открыть ценность человеческой жизни, отказавшись от «нецеломудренного» стремления символистов познать непознаваемое. При этом акмеисты не отвергают символистскую концепцию двоемирия, а лишь смещают акценты, подчеркивая необходимость помнить не только о «мистической стихии», но и о «ценности мира». Акмеизм признает самоценность каждого явления. Если раньше «земное», обыденное было поэтической периферией, то теперь становится центром картины мира.

Меняется отношение к реальности. Если символизму свойственно восприятие реальности как искаженного подобия сверхреальности, то акмеисты полагают, что подобное мировосприятие ведет к утрате вкуса к подлинности. В статье «О природе слова» О. Мандельштам пишет в связи с этим: «Возьмем к примеру розу и солнце, голубку и девушку. Неужели ни один из этих образов сам по себе не интересен, а роза – подобие солнца, солнце – подобие розы и т. д.? Образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием... Вечное подмигивание. Ни одного ясного слова, только намеки, недоговаривания. Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой».

Такая позиция обусловила стилевую новизну акмеистов. Ее характерные черты: стилистическое равновесие, живописная четкость образов, строгая композиция, отточенность деталей, любованье «милыми мелочами» (дух мелочей), «одомашнивание» мира.

Однако акмеистическое внимание к предмету, к «простому, земному, здешнему» не означало отказа от духовных поисков.

Например, для лирики Осипа Мандельштама характерно соединение в художественном образе глобальных, мировых смыслов с конкретными, предметными, телесными. Это наглядно демонстрирует стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917):

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке:
В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну а в комнате белой, как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала,
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена – другая – как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Лирический герой стихотворения изображен во вполне бытовой и привычной ситуации. Его окружают обычные предметы: мед, бутылка, бочки и т. д. Однако это те предметы, которыми люди пользуются на протяжении многих веков. Постепенно художественное время стихотворения из настоящего, бытового перетекает в вечное, а сквозь образы современных людей (хозяйка, рассказчик) начинают просвечивать вечные образы (Елена, Одиссей).

Акмеизм просуществовал недолго: уже к началу Первой мировой войны поэтическая школа распалась.

Футуризм

Футуризм – (от латинского *futurum* – будущее) – авангардистское течение в искусстве и литературе XX в., зародившееся в Италии в 1909 году и получившее широкое распространение во многих европейских странах, в первую очередь в России. Русский футуризм заявил о себе в 1910 году, когда Д. Бурлюк, В. Хлебников и В. Каменский издали первый футуристический сборник «Садок судей». На русский футуризм значительное влияние оказала теория и практика итальянского футуризма. При этом можно говорить о том, что в сфере радикального обновления формы и содержания русские футуристы пошли гораздо дальше своих итальянских коллег.

В русском футуризме традиционно выделяют четыре группы или течения:

- 1) кубофутуризм (В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых и др.) – самое яркое явление русского футуризма;
- 2) эгофутуризм (И. Северянин, И. Игнатъев, К. Олимпов, В. Гнедов и др.);
- 3) «Мезонин поэзии» (В. Шершеневич, Хрисанф, Р. Ивнев и др.);
- 4) «Центрифуга» (Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Бобров, К. Большаков и др.).

С самого начала своего возникновения футуристы откровенно эпатажили публику, сделав это своей программной установкой. Об этом, в частности, свидетельствуют названия и содержание их программных сборников: манифест русских футуристов назывался «Пощечина общественному вкусу», сборники именовались не менее эпатажно – «Садок Судей», «Доители изнуренных жаб», «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас» и т. п. Футуристы намеренно провоцировали очень острую реакцию не только на свои манифесты и художественные тексты, но и публичные выступления. Так, К. Малевич являлся с деревянной ложкой в петлице, В. Маяковский – в знаменитой желтой кофте, цвет которой считался тогда неприемлемым. А. Крученых носил на шнуре через шею диванную подушку и т. п.

Характерной чертой футуризма является демонстративный разрыв с традиционной культурой, о чем футуристы заявляют в манифесте «Пощечина общественному вкусу»: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности. Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней».

Футуристы отличились небывалыми экспериментами в области слова, расширив свой поэтический словарь за счет «словоновшества» и «словотворчества». Один из теоретиков кубофутуризма В. Хлебников считал одной из самых важных задач создание нового языка. Кроме активного использования диалектизмов, архаизмов, заимствований из других славянских языков поэт также создавал неологизмы из нестандартных, но допускаемых языком сочетаний корней, префиксов и суффиксов. При этом он помещал новые слова в такой контекст, что читатель вполне мог догадаться об их смысле. Ярким примером словотворчества Хлебникова является его стихотворение «Заклятие смехом», состоящее в основном из слов, произведенных от одного корня:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешиц надсмеяльных – смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

В начале 1914 года футуристы предпринимают попытки к объединению разрозненных литературных группировок (сборники «Молоко кобылиц» и «Рыкающий Парнас»). Однако наступление войны сильно затрудняет их деятельность. Русский футуризм существовал недолго, по сути, всего десятилетие, но выработанные им идеи до сих пор оказывают влияние на литературу.

Новокрестьянская поэзия

Новокрестьянская поэзия – творчество группы русских поэтов первой трети XX века, которые обновляли русскую поэзию, используя, модернистскую поэтику, с одной стороны, и народное творчество – с другой. Новокрестьянских поэтов объединяет отчетливая ориентация на следование народно-поэтической традиции и изображение крестьянского мира как целостного и гармоничного. Ядро новокрестьянского течения составили Н. А. Клюев, С. А. Есенин, С. А. Клычков, П. В. Орешин, А. В. Ширяевец, П. А. Радимов, А. А. Ганин и др. В отличие от символистов, акмеистов и футуристов, новокрестьянские поэты не образовывали литературного объединения или направления с единой теоретической платформой. Термин «новокрестьянские поэты» появился в работе критика В. Льва-Рогачевского («Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин», опубликованной в 1919 году). Несколько позже, уже в 1920-е годы, этот термин стал общеупотребительным.

Не следует воспринимать новокрестьянскую поэзию начала XX века как развитие традиций крестьянских поэтов второй половины XIX века, известных как «поэты из народа» и «поэты-самоучки». Поскольку для поэтов XIX века главной была социальная тема, а в центре

их внимания оказалась горькая бедняцкая доля, смысловые акценты новокрестьянской поэзии были иными. Их обусловили революционные события начала века, показавшие, что привычный крестьянский уклад жизни вскоре будет нарушен. Поэты-новокрестьяне полагали, что именно крестьянский быт и психология являются созидющим и стабилизирующим началом, что привело к их поэтизации.

При том, что новокрестьянские поэты не позиционировали себя как единое течение, определенное чувство общности у них все-таки было. Так, в 1917 году Есенин в письме Ширяеву писал о «крестьянской купнице». Несмотря на ярко выраженную индивидуальность стилей поэтов данного направления, можно выделить ряд общих черт, характеризующих их творчество. Прежде всего это обращения к теме деревенской России, противопоставленной «железной», городской России, тесная связь с миром природы и устного творчества. Поэты-новокрестьяне активно развивали традиции крестьянской поэзии, поэтизируя не только природу, но и деревенский быт и труд. Их стихи также отличает следование вековым народным обычаям и нравственным традициям; использование религиозной символики, христианских мотивов, языческих верований.

Поскольку революция 1917 года связала будущее страны с пролетариатом и индустриализацией, началось разрушение основ крестьянской жизни: продразверстка, политика раскулачивания, коллективизация разрушили многовековой уклад русской деревни. Эти трагические события отразились в творчестве поэтов-новокрестьян. Такая тенденция в корне не устраивала новую советскую власть. В результате представители новокрестьянской поэзии были объявлены «певцами кулацкой деревни» и «кулацкими поэтами», а их стихи перестали печататься. Кроме того, почти все они подверглись репрессиям и физическому уничтожению: в 1925 был расстрелян А. Ганин, в 1937-м – Н. Клюев, С. Клычков, П. В. Орешин. Их творчество стало известно широкому кругу читателей в конце 1980-х годов. Исключение составила лирика Есенина, которая начала издаваться несколько раньше.

Т. В. Надозирная

Константин Бальмонт (1867–1942)

Из сборника «Горящие здания»

Кинжальные слова

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

Упоение покоя —
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!

Как Испанец

Как испанец, ослепленный верой в Бога и любовью
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.

Я, родившийся в ущелье, под Сиэррою-Невадой,
Где лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
Чтобы заревом над Перу засветились небеса.

Меди, золота, бальзама, бриллиантов, и рубинов,
Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
Мной отысканных пределов жарким сердцем я хочу.

И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
Чтобы с жадной быстротою аравийского коня
Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.

И, быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья,
Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу Солнце, Солнце, Солнце красное, как кровь.

Я сбросил ее

Я сбросил ее с высоты,
И чувствовал тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь – как виденье!

Ты мучить не будешь меня,
А радовать страшной мечтою,
Создание тьмы и огня,
С проклятой твоей красотой!

Я буду лобзать в забытье,
В безумстве кошмарного пира,
Румяные губы твои,
Кровавые губы вампира!

И если я прежде был твой,
Теперь ты мое привиденье,
Тебя я страшнее – живой,
О, тень моего наслажденья!

Лежи искаженным комком,
Обломок погибшего зданья.
Ты больше не будешь врагом...
Так помни, мой друг: до свиданья!

«Я люблю далекий след – от весла...»

Я люблю далекий след – от весла,
Мне отрадно подойти – вплоть до зла,
И его не совершив – посмотреть,
Как костер, вдали, за мной – будет тлеть.

Если я в мечте поджег – города,

Пламя зарева со мной – навсегда.
О, мой брат! Поэт и царь – сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты – и горим!

Ангелы опальные

Кажусь святым, роль дьявола играя.
Ричард Третий

Ангелы опальные
Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей, —
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей, —
Взоры полусонные,
Нежные, влюбленные,
Дымкой окаймленные,
Тонкие черты, —
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко онемелые,
Легкие цветы.

Чувственно-неясные,
Девственно-прекрасные,
В страстности бесстрастные,
Тайны и слова, —
Шорох приближения,
Радость отражения,
Нежный грех внушения,
Дышащий едва, —
Зыбкие и странные,
Вкрадчиво-туманные,
В смелости нежданные,
Проблески огня, —
То мечты, что встретятся
С теми, кем отметятся,
И опять засветятся
Эхом для меня!

Я буду ждать

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся – безмолвие несчастья,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом, всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие, —
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты неожиданная
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

Аромат Солнца

Запах Солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В Солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пенем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам:
Будет вам!
Не узреть вам райских врат.
Есть у Солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

Закатные цветы

О, краски закатные! О, лучи невозвратные!
Повисли гирляндами облака просветленные.
Равнины туманятся, и леса необъятные,
Как будто не жившие, навсегда утомленные.

И розы небесные, облака бестелесные,
На доли печальные, на селения бедные,
Глядеть с состраданием, на безвестных – безвестные,
Поникшие, скорбные, безответные, бледные!

Равнина

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Леса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скудные поля.

Полгода – холод беспощадный,
Полгода – дождь и душный зной,
Расцвет природы безотрадной
С ее убогою весной.

Полупогаснувшие взоры
Навек поблекшего лица,
Неизреченные укоры,

Порабощенность без конца.

Невоплощенные зачатья, —
О, трижды скорбная страна,
Твое название – проклятье,
Ты навсегда осуждена.

Воспоминание о вечере в Амстердаме

О, тихий Амстердам,
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь, – не там,
Зачем уйти не волен,
О, тихий Амстердам,
К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы затонам,
Загрезившим каналам,
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым, и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,
По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,
Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном,
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О, тихий Амстердам!
О, тихий Амстердам!

И да, и нет

1
И да, и нет – здесь все мое,
Приемлю боль – как благостыню,
Благославляю бытие,
И если создал я пустыню,
Ее величие – мое!

2

Весенний шум, весенний гул природы
В моей душе звучит не как призыв.
Среди живых – лишь люди не уроды,
Лишь человек хоть частию красив.

Он может мне сказать живое слово,
Он полон бездн мучительных, как я.
И только в нем ежеминутно ново
Видение земного бытия.

Какое счастье думать, что сознаем,
Над смутой гор, морей, лесов, и рек,
Над мчащимся в безбрежность мирозданьем,
Царит непобедимый человек.

О, верю! Мы повсюду бросим сети,
Средь мировых неистошмых вод.
Пред будущим теперь мы только дети.
Он – наш, он – наш, лазурный небосвод!

3

Страшны мне звери, и черви, и птицы,
Душу томит мне животный их сон.
Нет, я люблю только беглость зарницы,
Ветер и моря глухой перезвон.

Нет, я люблю только мертвые горы,
Листья и вечно немые цветы,
И человеческой мысли узоры,
И человека родные черты.

4

Лишь демоны, да гении, да люди,
Со временем заполнят все миры
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск еще не снявшейся игры, —

Когда, уразумев себя впервые,
С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии:
Земля, Огонь, и Воздух, и Вода.

5

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Все – тонкие штрихи законченной картины,
Все – тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума – широкие дороги,
Все вспышки страстные – подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к Нему.

6

То будет таинственный миг примирения,
Все в мире воспримет восторг красоты,
И будет для взора не три измерения,
А столько же, сколько есть снов у мечты.

То будет мистический праздник слияния,
Все краски, все формы изменятся вдруг,
Все в мире воспримет восторг обаяния,
И воздух, и солнце, и звезды, и звук.

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, —
И день не умрет никогда, никогда!

7

Будут игры беспредельные,
В упоительности цельные,
Будут песни колыбельные,
Будем в шутку мы грустить,
Чтобы с новым упоением,
За обманчивым мгновением,
Снова ткать с протяжным пением
Переливчатую нить.
Нить мечтанья бесконечного,
Беспечального, беспечного,
И мгновенного и вечного,
Будет вся в живых огнях,
И, как призраки влюбленные,
Как-то сладко утомленные,
Мы увидим – измененные —
Наши лица – в наших снах.

8

Идеи, образы, изображенья, тени,
Вы, вниз ведущие, но пышные ступени, —
Как змей, сквозь вас вьюсь, я вас люблю равно,
Чтоб видеть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики в сосуде драгоценном,
Вдыхаю в нем вино, с его восторгом пленным,
Ту влагу выпью я, и по золотым краям
Дам биться отблескам и ликам и теням.

Вино горит сильней – незримое для глаза,
И осушенная – богаче, ярче ваза.
Я сладко опьянен, и, как лукавый змей,
Покинув глубь, всхожу... Еще! Вот так! Скорей!

9

Я – просветленный, я кажусь собой,
Но я не то, – я остров голубой:
Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
Он издали являет цвет лазури.

Я – вольный сон, я всюду и нигде: —
Вода блестит, но разве луч в воде?
Нет, здесь светя, я где-то там блистаю,
И там не жду, блесну – и пропадаю.

Я вижу все, везде встает мой лик,
Со всеми я сливаюсь каждый миг.
Но ветер как замкнуть в пределах зданья?
Я дух, я мать, я страж мирозданья.

10

Звуки и отзвуки, чувства и призраки их,
Таинство творчества, только что созданный стих.

Только что срезанный свежий и влажный цветок,
Радость рождения – этого пения строк.

Воды мятежились, буря гремела, – но вот
В водной зеркальности дышит опять небосвод.

Травы обрызганы с неба упавшим дождем.
Будем же мучиться, в боли мы тайну найдем.

Слава создавшему песню из слез роковых,
Нам передавшему звонкий и радостный стих!

из сборника «Под северным небом»

Смерть

Не верь тому, кто говорит тебе,
Что смерть есть смерть: она – начало жизни,
Того существованья неземного,
Перед которым наша жизнь темна,
Как миг тоски – пред радостью беспечной,
Как черный грех – пред детской чистотой.
Нам не дано понять всю прелесть смерти,
Мы можем лишь предчувствовать ее, —
Чтоб не было для наших душ соблазна
До времени покинуть мир земной
И, не пройдя обычных испытаний,
Уйти с своими слабыми глазами
Туда, где ослепил нас высший свет.
Пока ты человек, будь человеком
И на земле земное совершай,
Но сохрани в душе огонь нетленный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тем, чем быть ты можешь.
Бестрепетно иди все выше – выше,
По лучезарным чистым ступеням,
Пока перед тобой не развернется
Воздушная прямая бесконечность,
Где время прекращает свой полет.
Тогда познаешь ты, что есть свобода
В разумной подчиненности Творцу,
В смиренном почитании Природы, —
Что как по непочатому пути
Всегда вперед стремится наше Солнце,
Ведя с собой и Землю и Луну
К прекрасному созвездию Геркулеса,
Так, вечно исполнено стремленья,
С собой нас увлекает Божество
К неведомой, но благодатной цели.
Живи, молись – делами и словами,
И смерть встречай как лучшей жизни весть.

Фантазия

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;

Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск Луны приемлет
И роптанию ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моление,
И тоска, и упоенье, – точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, – и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн Небес?

Все сильнее звучит их пенье, все слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, —
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А Луна все льет сиянье, и без муки, без страданья,
Чуть трепещут очертанья вещей сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют,
И с спокойствием приемлют чары ясных светлых снов.

Колыбельная песня

Липы душистой цветы распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь нас окутает ласковым сумраком,
В небе далеком зажгутся огни,
Ветер о чем-то зашепчет таинственно,
И позабудем мы прошлые дни,
И позабудем мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бедный ребенок, больной и застенчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страдания.
Как наклоняется нежно к ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Так заглянула ты в душу мою,
Ищешь ответа в ней... Спи! Колыбельную
Я тебе песню спою!

О, моя ласточка, о, моя деточка,
В мире холодном с тобой мы одни,

Радость и горе разделим мы поровну,
Крепче к надежному сердцу прильни,

Мы не изменимся, мы не расстанемся,
Будем мы вместе и ночи и дни.
Вместе с тобою навек успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

«Дышали твои ароматные плечи...»

Дышали твои ароматные плечи,
Упругие груди неровно вздымались,
Твои сладострастные тихие речи
Мне чем-то далеким и смутным казались.

Над нами повиснули складки алькова,
За окнами полночь шептала невнятно,
И было мне это так чуждо, так ново,
И так несказанно, и так непонятно.

И грезилось мне, что, прильнув к изголовью,

Как в сказке, лежу я под райскою сенью,
И призрачной был я исполнен любовью,
И ты мне казалась воздушною тенью.

Забыв о борьбе, о тоске, о проклятьях,
Как нектар, тревогу я пил неземную, —
Как будто лежал я не в грешных объятьях,
Как будто лелеял я душу родную.

Песня без слов

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
Ласточки лепет. Лобзанье лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
Светлый свободный журчащий ручей.

День догорает. Закат загорается.
Шепотом, ропотом рощи полны.
Новый восторг воскресает для жителей
Сказочной светлой свободной страны.

Ветра вечернего вздох замирающий.
Полной Луны переменчивый лик.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Миг неизбежного. Счастья миг.

Смерть, убаюкай меня

Жизнь утомила меня.
Смерть, наклонись надо мной!
В небе – предчувствие дня,
Сумрак бледнеет ночной...
Смерть, убаюкай меня

Ранней душистой весной,
В утренней девственной мгле,
Дуб залепечет с сосной.
Грустно поникнет к земле
Ласковый ландыш лесной.

Вестник бессмертного дня,
Где-то зашепчет родник,
Где-то проснется, звеня...
В этот таинственный миг,
Смерть, убаюкай меня!

безбрежности

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уже ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Болотные лилии

Побледневшие, нежно-стыдливые,
Распустились в болотной глуши
Белых лилий цветы молчаливые,
И вокруг них шелестят камыши.

Белых лилий цветы серебристые
Вырастают с глубокого дна,
Где не светят лучи золотистые,
Где вода холодна и темна.

И не манят их страсти преступные,
Их волненья к себе не зовут;
Для нескромных очей недоступные,
Для себя они только живут.

Проникаясь решимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются с пышностью гордою
Белых лилий немые цветы.

Расцветут, и поблекнут бесстрастные,
Далеко от владений людских,
И распустятся снова, прекрасные, —
И никто не узнает о них.

«Нет, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться...»

Нет, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,
В сердце волненье растет и растет!
Может ли ветер свободный кому покориться?
Может ли звезд не блистать хоровод?

Нет, мне не нужно покоя, не нужно забвенья,
Если же счастья нам не дано, —
В море отчаянья, в темную бездну мученья
Брошусь на самое дно!

В час рассвета

Над ущельем осторожным, меж тревожных чутких скал,
Перекличке горных духов в час рассвета я внимал.
Со скалы к скале срывался, точно зов, неясный звук.
Освеженный, улыбался, пробуждался мир вокруг.

Где-то серна пробежала, где-то коршун промелькнул,
Оборвался тяжкий камень, между скал раздался гул.
И гнездится, и клубится легкий пар, источник туч,
Зацепляясь, проползает по уступам влажных круч.

И за гранью отдаленной, — радость гор, долин, полей, —
Открывает лик победный, все полней и все светлей,
Ярко-красное Светило расцветающего дня,
Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня.

Ветер

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,

Под солнечным блеском палящим,
И под влажным мерцанием Луны.
Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим,
И легендам приморской волны.
Желанием томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном,
И с вечернею тучкой плыву.
И часто в восторге неожиданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанным,
В ненасытной тревоге живу.

Призраки

Шелест листьев, шепот трав,
Переплеск речной волны,
Ропот ветра, гул дубрав,
Ровный бледный блеск Луны.

Словно в детстве предо мною,
Над речною глубиною,
Нимфы бледною гирляндой обнялись, переплелись.
Брызнут пеной, разомкнутся,
И опять плотней сожмутся,
Опускаясь, поднимаясь, на волне и вверх и вниз.

Шепчут темные дубравы,
Шепчут травы про забавы
Этих бледных, этих нежных обительниц волны.
К ним из дали неизвестной
Опустился эльф чудесный,
Как на нити золотистой, на прямом луче Луны.

Выше истины земной,
Обольстительнее зла,
Эта жизнь в тиши ночной,
Эта призрачная мгла.

Вопрос

Меня пленяет все: и свет, и тени,
И тучи мрак, и красота цветка,

Упорный труд, и нега тихой лени,
И бурный гром, и шепот ручейка.

И быстрый бег обманчивых мгновений,
И цепь событий, длящихся века;
Во всем следы таинственных велений,
Во всем видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой ум не может: —
Зачем Господь в борьбе нам не поможет,
Не снимет с нас тернового венца?

Зачем Он создал смерть, болезнь, страданье,
Зачем Он дал нам жгучее желанье —
Грешить, роптать и проклинать Творца?

«За пределы предельного...»

За пределы предельного,
К безднам светлой Безбрежности!

В ненасытной мятежности,
В жажде счастья цельного,

Мы, воздушные, летим
И помедлить не хотим.

И едва качаем крыльями.
Все захватим, все возьмем,
Жадным чувством обоймем!

Дерзкими усилиями
Устремляясь к высоте,
Дальше, прочь от грани тесной,

Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

из сборника «Будем как солнце»

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.
Анаксагор*

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

«Будем как Солнце! Забудем о том...»

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злему,
Ярко стремимся мы в сне золотом.

Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном!
Будем, как Солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,

Воздух прозрачный и всё золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно – молодое.
В этом завет красоты!

«Я – изысканность русской медлительной речи...»

Я – изысканность русской медлительной речи,
Преодо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

Мои песнопенья

В коих песнопеньях – журчанье ключей,
Что звучат все звончей и звончей.
В них – женственно-страстные шепоты струй,
И девический в них поцелуй.

В моих песнопеньях – застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них – белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

Я звучные песни не сам создавал,

Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюбленный, дрожа по струне,
Трепетания передал мне.

Воздушные песни с мерцаньем страстей
Я подслушал у звонких дождей.
Узорно-играющий тающий снег
Подглядел в сочетаньях планет.

И я в человеческом – нечеловек,
Я захвачен разливами рек.
И в море стремя полногласность свою,
Я стозвучные песни пою.

Гармония слов

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей —
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед, —
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

Солнце удалилось

Солнце удалилось. Я опять один.
Солнце удалилось от земных долин.
Снежные вершины свет его хранят.
Солнце посылает свой последний взгляд.

Воздух цепенеет, властно скован мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышит над землей.

Тайно стынут волны меркнувших морей.
– Уходи от ночи, уходи скорей.

– Где ж твой тихий угол? – Нет его нигде.
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где солнце. Только там, где ты.

Голос дьявола

Я ненавижу всех святых, —
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.

За душу страшно им свою,
Им страшны пропасти мечтания,
И ядовитую змею
Они казнят без сострадания.

Мне ненавистен был бы рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою.

Я не хотел бы жить в раю,
Казня находчивость змеиную,
От детских дней люблю змею
И ей люблюсь, как картиною.

Я не хотел бы жить в раю,
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну – и пою,
Безумный демон снов лирических.

Дождь

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шел дождь, и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал,
И я душой усталой

Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забывтый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
«Умри» твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

Вербы

Вербы овеяны
Ветром нагретым,
Нежно взлелеяны
Утренним светом.

Ветви пасхальные,
Нежно-печальные,
Смотрят веселыми,
Шепчутся с пчелами.

Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное

Льется волнами.

Светло-печальные,
Песни пасхальные,
Сердцем взлелеяны,
Вечным оваяны.

«Я полюбил свое беспутство...»

Я полюбил свое беспутство,
Мне сладко падать с высоты.
В глухих провалах безрассудства
Живут безумные цветы.

Я видел стройные светила,
Я был во власти всех планет.
Но сладко мне забыть, что было,
И крикнуть их призывам: «Нет!»

Исполнен радости и страха,
Я оборвался с высоты,
Как коршун падает с размаха,
Чтоб довершить свои мечты.

И я в огромности бездонной,
И убегает глубина.
Я так сильнее – исступленный,
Мне Вечность в пропасти видна!

Аккорды

В красоте музыкальности,
Как в недвижной зеркальности,
Я нашел очертания снов,
До меня не рассказанных,
Тосковавших и связанных,
Как растенья под глыбою льдов.

Я им дал наслаждение,
Красоту их рождения,
Я разрушил звенящие льды.
И, как гимны неслышные,
Дышат лотосы пышные
Над пространством зеркальной воды.

И в немой музыкальности,
В этой новой зеркальности,
Создает их живой хоровод
Новый мир, недосказанный,
Но с рассказанным связанный
В глубине отражающих вод.

Из сборника «Только любовь»

Гимн солнцу

1

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Страшный сжигающий Свет!
Дай мне – на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в Мире
Счастья нет!

2

О, как, должно быть, было это Утро
Единственно в величии своем,
Когда в руинах, в неге перламутра,
Зажглошь ты первым творческим лучом.

Над Хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,
Во всем была живая полнотность,
Все было «Да», не возникало «Нет».

В ликующем и пьяном Океане
Тьмы тем очей глубоких ты зажгло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все, так жадно и светло.

Действительность была равна с мечтою,
И так же близь была светла, как даль.
Чтоб песни трепетали красотою,
Не надо было в них влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то Утро ты соткала свой наряд.

Потом, вспоив столетья, миллионы
Горячих, огнецветных, страстных дней,
Ты жизнь вело чрез выси и уклоны,
Но в каждый взор вливало блеск огней.

И много раз лик Мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос Солнца раздавался,
И песню крови слышал человек.

«О, дети Солнца, как они прекрасны!»
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзанья вечно были страстны,
В лице красива каждая черта.

То в Мексике, где в таинствах жестоких
Цвели так страшно красные цветы, —
То в Индии, где в душах светлооких
Сложился блеск ума и красоты, —

То там, где Апис, весь согретый кровью,
Склонив чело, на нем являл звезду,
И, с ним любя бесстрашную любовью,
Лобзались люди в храмах, как в бреду, —

То между снов пластической Эллады,
Где Дионис царил и Аполлон, —
Везде ты лило блеск в людские взгляды,
И разум Мира в Солнце был влюблен.

Как не любить светило золотое,
Надежду запредельную Земли.
О, вечное, высокое, святое,
Созвучью нежных строк моих внемли!

3

Я все в тебе люблю, Ты нам даешь цветы,
Гвоздики алая, и губы роз, и маки,
Из безразличья темноты
Выводишь Мир, томившийся во мраке,
К красивой цельности отдельной красоты,
И в слитном Хаосе являются черты,
Во мгле, что пред тобой, вдруг дрогнув, подается,
Встают – они и мы, глядят – и я и ты,
Растет, поет, сверкает, и смеется,
Ликует празднично все то,
В чем луч горячей крови бьется,
Что ночью было как ничто.

Без Солнца были бы мы темными рабами,
Вне понимания, что есть лучистый день,
Но самоцветными камнями
Теперь мечты горят, нам зримы свет и тень.
Без Солнца облака – тяжелые, густые,
Недвижно-мрачные, как тягостный утес,
Но только ты взойдешь, – воздушно-золотое,
Они воздушней детских грез,
Нежней, чем мысли молодые.

Ты не взойдешь еще, а Мир уже поет,
Над соснами гудит звенящий ветер Мая,
И влагой синею поишь ты небосвод,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вот твой яркий диск на Небеса взошел,
Превыше вечных гор, горишь ты над богами,
И люди Солнце пьют, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глаз, привыкших видеть дол,
На Солнце лишь глядит орел,
Когда летит над облаками.

Но, не глядя на лик, что ослепляет всех,
Мы чувствуем тебя в громах, в немой былинке, —
Когда, желанный нам, услышим звонкий смех,
Когда увидим луч, средь чащи, на тропинке.

Мы чувствуем тебя в реке полночных звезд,
И в глыбах темных туч, разорванных грозю,
Когда меж них горит, манящей полосой,
Воздушный семицветный мост.

Тебя мы чувствуем во всем, в чем блеск алмазный,
В чем свет коралловый, жемчужный иль иной.
Без Солнца наша жизнь была б однообразной,
Теперь же мы живем мечтою вечно-разной,
Но более всего ласкаешь ты – весной.

4

Свежей весной
Всеозаряющее,
Нас опьяняющее
Цветом, лучом, новизной, —
Слабые стебли для жизни прямой укрепляющее, —
Ты, пребывающее
С ним, неизвестным, с тобою, любовь, и со мной!
Ты теплое в радостно-грустном Апреле,
Когда на заре

Играют свирели,
Горячее в летней поре,
В палящем Июле,
Родящем зернистый и сочный прилив
В колосьях желтеющих нив,
Что в свете лучей утонули.
Ты жгучее в Африке; свет твой горит
Смертельно, в час полдня, вблизи Пирамид
И в зыбях песчаных Сахары.
Ты страшное в нашей России лесной,
Когда, воспринявши палящий твой зной,
Рокочут лесные пожары.
Ты в отблесках мертвых, в пределах тех стран,
Где белую смертью одет Океан,
Что люди зовут Ледовитым, —
Где стелются версты и версты воды
И вечно звенят и ломаются льдины,
Белея под ветром сердитым.
В Норвегии бледной – полночное ты;
Сияньем полярным глядишь с высоты,
Горишь в сочетаньях неожиданных.
Ты тусклое там, где возрастают лишь мхи,
Цепляются в тундрах, глядят как грехи,
В краях для тебя нежеланных.
Но Солнцу и в тундрах предельности нет,
Они получают зловещий твой свет,
И, если есть черные страны,
Где люди в бреду и в виденьях весь год,
Там день есть меж днями, когда небосвод
Миг правды дает за обманы.
И тот, кто томился весь год без лучей,
В миг правды богаче избранников дней.

5

Я тебя воспеваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,
И хоть струны Поэта, звончей золотого червонца,
Я не в силах исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если б я родился не Певцом, истомленным тоскою,
Если б был я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсил бы берег жемчужиной – искрой морской —
Но не знал бы я, сколько сокрыто их всех глубиной.

Если б я родился не стремящимся жадным Поэтом,
Я расцвел бы, как ландыш, как белый влюбленный цветок,
Но не знал бы я, сколько цветов раскрывается летом,
И душистые сны сосчитать я никак бы не мог.

Так, тебя воспевая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь часть слышу ликующий жизненный смех,
Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда – молодое.
Но сильней всего то, что в жизни горишь ты – для всех.

6

Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска,
Воспевшего тебя, как я пою,
Ласкаешь тем же светом василиска,
Лелеешь нежных птичек и змею.

Меняешь бесконечно сочетанья
Людей, зверей, планет, ночей и дней,
И нас ведешь дорогами страданья,
Но нас ведешь к Бессмертию Огней.

Люблю, что тот же самый свет могучий,
Что нас ведет к немеркнущему Дню,
Струит дожди, порвавши сумрак тучи,
И приобщает нежных дев к огню.

Но, если, озаряя и целуя,
Касаешься ты мыслей, губ и плеч,
В тебе всего сильнее то люблю я,
Что можешь ты своим сияньем – сжечь.

Ты явственно на стоны отвечаешь,
Что выбор есть меж сумраком и днем,
И ты невесту с пламенем венчаешь,
Когда в душе горишь своим огнем.

В тот яркий день, когда владыки Рима
В последний раз вступили в Карфаген,
Они на пире пламени и дыма
Разрушили оплот высоких стен, —

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекор победному врагу,
Взглянув на Солнце, про себя сказала:
«Еще теперь я победить могу!»

И, окружив себя людьми, конями,
Как на престол взошедши на костер,
Она слилась с блестящими огнями,
И был триумф – несбывшийся позор.

И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двух, чья страсть была сильней, чем Мир,
В любовниках, чьи жаркие лобзанья

Через века почувствовал Шекспир.

Пленительна, как солнечная сила,
Та Клеопатра, с пламенем в крови,
Пленителен, пред этой Змейкой Нила,
Антоний, сжегший ум в огне любви.

Полубогам великого Заката
Ты вспыхнуло в веках пурпурным днем,
Как нам теперь, закатностью богато,
Сияешь алым красочным огнем.

Ты их сожгло. Но в светлой мгле забвенья
Земле сказало: «Снова жизнь готовь!» —
Над их могилой – легкий звон мгновенья,
Пылают маки, красные, как кровь.

И как в великой грезе Македонца
Царил над всей Землею ум один,
Так ты одно паришь над Миром, Солнце,
О, мировой закатный наш рубин!

И в этот час, когда я в нежном звоне
Слагаю песнь высокому Царю,
Ты жжешь костры в глубоком небосклоне,
И я светло, сжигая жизнь, горю!

7
О, Мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты в полногласной
Сказке прекрасной
Сделало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Мудро сжигающий – Свет!
Рад я на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в Мире
Счастья нет!

Я не знаю мудрости

Я не знаю мудрости, годной для других,

Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

«Я ненавижу человечество...»

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Желаю случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг – до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

Далеким близким

Мне чужды ваши рассуждения:
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».
Я нежный иней охлаждения,
Я ветерка чуть слышный вздох.

Мне чужды ваши восклицания:
«Полюбим тьму», «Возлюбим грех».
Я причиняю всем терзания,
Но светел мой свободный смех.

Вы так жестоки – помышлением,
Вы так свирепы – на словах,
Я должен быть стихийным гением,
Я весь в себе – восторг и страх.

Вы разливаете, сливаете,
Не доходя до бытия.

Но никогда вы не узнаете,
Как безраздельно целен я.

Безрадостность **Сонет**

Мне хочется безгласной тишины,
Безмолвия, безветрия, бесстрастья.
Я знаю, быстрым сном проходит счастье,
Но пусть живут безрадостные сны.

С безрадостной бездонной вышины
Глядит Луна, горят ее запястья.
И странно мне холодное участие
Владычицы безжизненной страны.

Там не звенят и не мелькают пчелы.
Там снежные безветренные доли,
Без аромата льдистые цветы.

Без ропота безводные пространства,
Без шороха застывшие убранства,
Без возгласов безмерность красоты.

Безглагольность

Есть в Русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утоленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила
И сделала ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Бог и дьявол

Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному – мои стоны, и другому – мой вздох.
Одному – мои крики, а другому – мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далеко, с Востока, поплыву на Закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет Земля,
И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный Дьявол, о, единственный Бог!

Андрей Белый (1880–1934)

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много
зла сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,
отражающие золото.

1903

Три стихотворения

1

Все тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растет
восторг одиночества лирный.

Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомую грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.

Смеюсь – и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Апрель 1902, Москва

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится – я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь – восторг тот святой?
Не верю!

Поет облегающий лес

нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902, Москва

3

Звон вечерней гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
озаряют кресты колоколен.

1902

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Все просветилось вдруг, все солнцем зажжено:

И «Свете тихий» с клироса воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903

Знаю

Посвящается О. М. Соловьевой

Пусть на рассвете туманно —
знаю – желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
образ вдали василиска?
Пусть все тревожно я странно...

Пусть на рассвете туманно —
знаю – желанное близко.

Нежен восток побледневший.
Знаешь ли – ночь на исходе?
Слышишь ли – вздох о свободе —
вздох ветерка улетевший —
весть о грядущем восходе?

Спит кипарис онемевший.
Знаешь ли – ночь на исходе?

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Эти мечты золотые,
эти улыбки святы
в сердце вонзаются больно...

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Август 1901

Мои слова

Мои слова – жемчужный водомет,
среди лунных снов, бесцельный,
но вспененный, —
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты – вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий, —
безумный великан,
на карликов свистящий.

Моя любовь – призывно-грустный звон,
что зазвучит и улетит куда-то, —
неясно-милый сон,
уж виданный когда-то.

Май 1901

Раздумье

Посвящается памяти Вл. С. Соловьёва

Ночь темна. Мы одни.
Холод. Ветер ночной
деревами шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов: «Не смущайтесь... я с вами...
за мной!..»

И не знаешь, кто там.
И стоишь, одиночек.
И боишься довериться радостным снам.
И с надеждой следишь, как алеет восток.

В поле зов: «Близок день.
В смелых грезах сгори!»
Убегает на запад неверная тень.
И все ближе, все ярче сиянье зари.

Дерева шелестят:
«То не сон, не обман...»
Потухая, вверху робко звезды блестят...
И взывает пророк, проходя сквозь туман.

Февраль 1901

Я

Далек твой путь: далек, суров.
Восходит серп, как острый нож.
Ты видишь – я. Ты слышишь – зов.
Приду: скажу. И ты поймешь.

Бушует рожь. Восходит день.
И ночь, как тень небытия.
С тобой Она. Она как тень.
Как тень твоя. Твоя, твоя.

С тобой – Твоя. Но вы одни,
Ни жизнь, ни смерть: ни тень, ни свет,
А только вечный бег сквозь дни.
А два летят, летят: их – нет.

Приди. – Да, да: иду я в ночь.
Докучный рой летящих дней!
Не перевозмочь, не перевозмочь.
О ночь, покрой кольцом теней!

Уйдешь – уснешь. Не здесь, а – там.
Забудешь мир. Но будет он.
И там, как здесь, отдайся снам:
Ты в повтореньях отражен.

Заснул – проснулся; в сон от сна.
И жил во сне; и тот же сон,
И мировая тишина,
И бледный, бледный неба склон;

И тот же день, и та же ночь;
И прошлого докучный рой...
Не перевозмочь, не перевозмочь!..
Кольцом теней, о ночь, покрой!

Декабрь 1907

**Александр Блок
(1880–1921)**

Книга первая (1898–1904)

**Из цикла «Ante lucem»
(До света – лат.)**

«Ищу спасенья...»

О. М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех – во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколения.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты – виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя Я дух к Тебе простер.
В Тебе – спасенье!

25 ноября 1900

«В полночь глухую рожденная...»

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,
В ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный,

Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Элины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Элины, элины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

Из цикла «Стихи о прекрасной даме» (1901–1902)

Вступление

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903

«Ты отходишь в сумрак алый...»

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я слышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты или далече
Затерялась в вышине?

Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги,
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

«Всё отлетают сны земные...»

Так – разошлись в часы рассвета.

А. Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны.
Страны холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там – далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там – мать сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно угасает
Мое скитанье – без конца...

И вдруг, в преддверье заточенья,
Послышу дальние шаги...
Ты – одиноко – в отдаленье,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

«Всё бытие и сущее согласно...»

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне всё равно – вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее – во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

«Небесное умом не измеримо...»

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица – спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901, с. Шахматово

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

*И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.*

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901, с. Шахматово

«Я жду призыва, ищу ответа...»

Я жду призыва, ищу ответа,
Немее небо, земля в молчанье,
За желтой нивой – далёко где-то —
На миг проснулось мое воззвание.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду – и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззвание.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье.

7 июля 1901

«За городом в полях весною воздух дышит...»

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди – морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака – и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари – неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

«Я всё гадаю над тобою...»

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожкой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

«Встану я в утро туманное...»

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

«Жду я холодного дня...»

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутье – вдали
Людных и ярких дорог,
Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

«Я долго ждал – ты вышла поздно...»

Я долго ждал – ты вышла поздно,
Но в ожиданье ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень

И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, – и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

«Ночью вьюга снежная...»

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

«Бегут неверные дневные тени...»

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятн колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив – и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятн колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен – я жду твоих шагов.

4 января 1902

«Я укрыт до времени в приделе...»

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет – исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет – в холодные метели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе,
Но растут всемошнные крыла.

29 января 1902

«Мы живем в старинной келье...»

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902

«На темном пороге тайком...»

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, Боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак – всё горе – всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

«Я медленно сходил с ума...»

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

«Люблю высокие соборы...»

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа.
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот – содрогнулись, смолкли хоры,
В смятенье бросились бежать.
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать

8 апреля 1902

«Мы встречались с тобой на закате...»

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди – на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды

И твое золотое весло.

13 мая 1902

«Тебя скрывали туманы...»

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь.

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

«Поздно. В окошко закрытое...»

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Всё ликование забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенной скукою —
Краски поблёкнут твои...
Мудрость моя близорукая,

Темные годы мои!

Май 1902

«На ржавых петлях открываю ставни...»

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожке,
Твои черты, философ и ваятель,
Изобразу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображение,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!»

Июнь 1902

«Я просыпался и всходил...»

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз,
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну – и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей,
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,

Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

«Явился он на стройном бале...»

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре – в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит – пристальный – один,
Куда за бледной Колумбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там – в углу – под образами.
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

«Вхожу я в темные храмы...»

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцанье красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,

Но я верю: Милая – Ты.

25 октября 1902

«Будет день, словно миг веселья...»

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда – величавей и краше,
Без сомнений и дум приму.
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

«Мне страшно с Тобой встречаться...»

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму – живут, или спят...
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.

Тебя здесь нет. Ты – там.

5 ноября 1902

**Из цикла «Распутья»
(1902–1904)**

«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь – и погаснуть невмочь.
Что в очах твоих, красная девица,
Нашептала мне синяя ночь.

Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадал заколдованный луг
Про тебя сновиденья крылатые,
Про тебя, неугаданный друг.

Я завьюсь снеговой паутиною,
Поцелуй – что долгие сны.
Чую сердце твое лебединое,
Слышу жаркое сердце весны.

Нагадала Большая Медведица,
Да колдунья, морозная дочь,
Что в очах твоих, красная девица,
На челе твоём, синяя ночь.

12 ноября 1902

«Я, изнуренный и премудрый...»

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет – в певучей выюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,

Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

«Покраснели и гаснут ступени...»

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».

У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. – Жду —

Что скажу я тебе – не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но, огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

«Я искал голубую дорогу...»

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

«Я к людям не выйду навстречу...»

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одной отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух.

За словами – сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне – потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

«Зимний ветер играет терновником...»

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься, —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

«Очарованный вечер мой долог...»

Очарованный вечер мой долог,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зеленые нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.

Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Все, что в сердце, смежило ресницы,
Но едва я слышу: «Лети», —
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

*11 июня 1903,
Bad Nauheim*

«Крыльцо Ее словно паперть...»

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу – и стихает гроза.
На столе – узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее – нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе – кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя – мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха...

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903

«Вот он – ряд гробовых ступеней...»

Вот он – ряд гробовых ступеней.
И меж нас – никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,

Прикоснувшись к руке восковой.
Остальное – бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи – твой отдых никто не прервет.
Мы – окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осяянный чертог.

18 июня 1904, с. Шахматово

**Книга вторая
(1904–1908)**

Из цикла «Город»

«Твое лицо бледней, чем было...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.